

**Научно-исследовательская работа
по истории**

**«Внутренние противоречия как одна из причин поражения Белой армии
в Гражданской войне 1917-1922 года»**

Автор: Гинятуллин Ислам Дамирович

Учащийся: МБОУДО ДЮЦКО «Галактика»

г. Калуги,

МБОУ «СОШ № 50» г. Калуги, 10 «А» класс

Научный руководитель: Шепелева Светлана Николаевна,

Александрова Анастасия Алексеевна

Должность: методист, педагог д.о.

Место работы: МБОУДО ДЮЦКО «Галактика»

г. Калуга

Калуга, 2020 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
I. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ	4
1.1. Причины поражения Белой армии	4
1.2. Внутренние противоречия в Белой армии.....	6
II. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ МОТИВАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯДРА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ	8
2.1. Противоречия между Алексеевым и Корниловым.1917-1918	8
2.2. Конфликт между Деникиным и Врангелем.....	14
2.3. Разность взглядов Колчака и Гайда	20
2.3. Причины и последствия противоречий	22
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	26
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	27

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война - одно из самых страшных явлений в истории любого государства, когда один единый народ идёт войной на друг друга. Такое явление мы можем заметить в истории нашего государства в первой четверти XX века. Когда определённый круг лиц не доволен той системой, что сложилась в стране.

Гражданская война в России была следствием революций 1917 года. Грандиозные перемены произошли стремительно. Они не могли не встретить сопротивления тех групп общества, которые потеряли власть, право на собственность и другие привилегии.

Пройдя эту тему в школе, я начал изучать источники и обратился к мемуарам белых генералов. При их изучении заметил, что в той обстановке присутствовали противостояние и не слаженность лидеров Белого движения, и задался вопросом - «Настолько ли серьёзны были эти конфликты, что могли бы послужить одной из причин падения Белого движения?»

Актуальность: Трансформация жизни современного российского общества сопровождается возрастанием социальной значимости исторической науки и глубокими качественными изменениями в её развитии. Она призвана участвовать не только в духовном возрождении общества, но и обогащать опыт политической практики, обеспечивая преемственную связь в развитии исторической мысли, определяя её перспективы. Рассмотрение внутренних противоречий как одной из причин поражения Белой армии в Гражданской войне поможет более детально изучить данный вопрос и составить таблицу «Причины и последствия противоречий», которая может быть использована на уроках истории.

Цель: выявление внутренних противоречий как одной из причин поражения Белой армии в Гражданской войне 1917-1922 года

Задачи:

- проанализировать литературу и источники по теме;

- определить, являлись ли противоречия и междоусобицы генералов Белого движения, одной из причин поражения в Гражданской войне;

- составить таблицу «Причины и последствия противоречий».

Объект исследования: внутренние противоречия руководителей Белого движения, как одна из причин падения Белой армии.

Предмет исследования: Гражданская война в России (1917-1922гг.)

Гипотеза: противоречия белых генералов – одна из причин поражения Белой армии в Гражданской войне.

Методы исследования:

- Общенаучные: анализ, синтез.
- Специальные: описательно – повествовательный.

I. СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

1.1 Причины поражения Белой армии

Среди причин поражения, в первую очередь, необходимо выделить слабую идеологическую базу Белого движения. Красные (большевики) обладали мощной идеей, которая смогла объединить подавляющее большинство населения России – рабочих и крестьян. Белые же не обладали такой объединяющей идеей. Противниками большевиков были самые различные партии, движения, группировки: от социалистов – эсеров и меньшевиков и «центристов» - конституционных демократов (кадетов), октябристов до националистов и монархистов. Причём те же монархисты не были едины, выступая за разных кандидатов на престол, и с ними боролись социалисты, либералы, стараясь не допустить их усиления.

Исходя из слабости идеологической платформы, можно выделить другую причину – белые не смогли выдвинуть популярную для большинства населения общую программу действий и начать её выполнять. В этом вопросе большевики их полностью переиграли с их лозунгами «земля крестьянам», «фабрики рабочим», «самоопределение наций вплоть до отделения и образования суверенных государств» и т. д. Белые правительства настроили против себя крестьянство, пытаясь решить земельный вопрос в пользу помещиков, оттолкнули националистов лозунгом «единой и неделимой России». Можно сделать вывод, что своими попытками реставрации старых порядков они вызвали раздражение большинства населения.

Большевики чётко уловили настроения крестьянства и с VIII съезда в марте 1919 года изменили свою крестьянскую политику. Они перешли от политики «нейтрализации» крестьянина-середняка к поиску союза с ним. В итоге красные смогли развернуть многочисленную, крестьянскую в своей основе армию. К примеру: в марте-апреле 1919 года, на пике успехов армии А. Колчака, у него было примерно 130 тыс. человек, в это же время у А.

Деникина была 60-тыс. армия, у Н. Юденича около 10 тыс. штыков и сабель, у В. Марушевского (формировал Северную армию) около 15 тыс., а численность Красной армии в этот период возросла почти до 1,5 млн. бойцов.

В сентябре-октябре 1919 года, во время наивысших успехов А. Деникина, у него было 150 тыс. человек, у Колчака оставалось до 50 тыс., у Юденича 15 - 20 тыс., у Миллера до 20 тыс., у Владимира Толстова 20 тысяч (командующий отдельной Уральской армией). А численность Красной армии к этому времени выросла до 3,5 млн. штыков и сабель.

При всей многочисленности Красной Армии в ней смогли поддерживать более высокий уровень дисциплины. В Белой армии дезертирство рядового состава из крестьян и рабочих приняло куда более серьёзные масштабы, чем в Красной армии. Тыл белых погряз в пьянстве, коррупции, мародерстве. Большевики смогли привлечь в строительство Красной армии значительную часть офицерского корпуса царской России, т. н. военспецов. Качество красных частей постоянно росло.

Красные смогли организовать в тылу Белого движения целую сеть подпольных большевистских комитетов, началось массовое партизанское движение. Это резко ослабило боеспособность белых армий, которым приходилось прикладывать большие усилия для борьбы с крестьянским движением. Ряд историков даже считают, что именно крестьянское движение стало главной причиной поражения белых. Большевики, в отличие от белых, смогли обеспечить более прочный тыл, причём достигалось это не только за счёт репрессивных мер (белые тоже не стеснялись их применять), но и благодаря определённому компромиссу с крестьянством.

Ещё одна причина поражения белых – это выгодное положение территорий большевиков относительно белых фронтов. Они имели в своем расположении области с самой высокой концентрацией населения и развитой промышленностью, включая два мегаполиса – Москву и Петроград. Большевики могли проводить более массовые мобилизации, причём имея на этой территории немало идейных сторонников из рабочего класса. К тому же

это облегчало возможности манёвра армиями – разгромив или ослабив одного противника, можно было перебросить ударные силы на другой фронт.

Интервенция Западных стран привела к тому, что вокруг большевиков стали объединяться патриоты, государственники. Они увидели в них силу, которая сможет сохранить Россию.

На наш взгляд, западные державы поддерживали Белое движение не в полную силу. Их целью был развал России, делёж её на сферы влияния и максимальное обескровливание русского народа в братоубийственной Гражданской войне. Им не нужна была «единая и неделимая Россия». Поэтому, помогая белым одной рукой, представители Запада другой рукой мешали им и поддерживали красных.

1.2. Внутренние противоречия в Белой армии

Белое движение, объединявшее в своих рядах представителей различных политических движений и социальных структур, не могло избежать внутренних противоречий.

Существенным был конфликт между военными и гражданскими властями. Соотношение военной и гражданской власти нередко регулировалось «Положением о полевом управлении войск», где гражданская власть осуществлялась генерал-губернатором, зависимым от военного командования. В условиях подвижности фронтов, борьбы с повстанческим движением в тылу, военные стремились к осуществлению функций гражданского руководства, игнорируя структуры местного самоуправления, разрешая политические и экономические проблемы в приказном порядке (действия генерала Слацова в Крыму в феврале-марте

1920 г., генерала Родзянко на Северо-Западном фронте весной 1919 г., военное положение на линии Транссибирской железной дороги в 1919 г. и др.). Отсутствие политического опыта, незнание специфики гражданского управления нередко приводили к серьезным ошибкам, падению авторитета белых правителей (кризис власти адмирала Колчака в ноябре-декабре 1919 г., генерала Деникина в январе-марте 1920 г.).

В. Ж. Цветков считал, что противоречия военной и гражданской власти отражали противоречия между представителями различных политических направлений, входивших в Белое движение. Правые (СГОР, монархисты) поддерживали принцип неограниченной диктатуры, тогда как левые («Союз Возрождения России», сибирские областники) выступали за «широкое представительство общественности» при военных правителях. [8, с.121]. Немаловажное значение имели разногласия между правыми и левыми по земельной политике (об условиях отчуждения помещичьей земли), по рабочему вопросу (о возможности участия профсоюзов в управлении предприятиями), о местном самоуправлении (по характеру представительства общественно-политических организаций).

Реализация принципа «Единой, неделимой России» вызывала конфликты не только между Белым движением и государственными новообразованиями на территории бывшей Российской Империи (Украиной, республиками Кавказа), но и внутри самого Белого движения. Серьезные трения возникали между казачьими политиками, стремившимися к максимальной автономии (вплоть до государственного суверенитета) и белыми правительствами (конфликт атамана Семенова и адмирала Колчака, конфликт между генералом Деникиным и Кубанской Радой).

Возникали противоречия и по поводу внешнеполитической «ориентации». Так, в 1918 г. многие политические деятели Белого движения (П.Н. Милюков и Киевская группа кадетов, Московский Правый Центр) говорили о необходимости сотрудничества с Германией для

«ликвидации советской власти». В 1919 г. «прогерманская ориентация» отличала Совет гражданского управления Западной Добровольческой армии полк. Бермондта-Авалова. Большинство же в Белом движении выступало за сотрудничество со странами Антанты как союзниками России в Первой мировой войне.

Не способствовали прочности Белого движения конфликты, возникавшие между отдельными представителями политических структур (лидерами СГОР и Национального Центра - А.В. Кривошеиным и Н.И. Астровым), внутри военного командования (между адмиралом Колчаком и генералом Гайдой, генералом Деникиным и генералом Врангелем, генералом Родзянко и генералом Юденичем и др.).

По мнению В. Ж. Цветкова, вышеперечисленные противоречия и конфликты, хотя и не носили непримиримого характера и не привели к расколу Белого движения, тем не менее, нарушали его единство и сыграли значительную роль (наряду с военными неудачами) в его поражении в Гражданской войне. Значительные проблемы у белой власти возникали из-за слабости управления на контролируемых территориях. Так, например, на Украине, до момента занятия войсками ВСЮР сменилось, на протяжении 1917-1919 гг. четыре политических режима (власть Временного правительства, Центральной Рады, гетмана П. Скоропадского, Украинская советская республика), каждый из которых стремился к установлению собственного аппарата управления. Это затрудняло оперативное проведение мобилизаций в Белую армию, борьбу с повстанческим движением, реализацию принимаемых законов, разъяснение населению политического курса Белого движения. [8, с.121]

II. Сравнительный анализ факторов мотивации поведения и деятельности ядра Белого движения

2.1. Противоречия между Алексеевым и Корниловым. 1917-1918

Необходимо рассмотреть ситуацию сложных взаимоотношений Алексеева, Корнилова и Деникина. 6 декабря Л.Г. Корнилов добрался до Новочеркасска. Еще до августа 1917 г. Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев относились друг к другу весьма критически. М.В. Алексеев не слишком высоко ставил Корнилова, зная его слабые места как военачальника, приводившие к поражениям подчиненных ему войск. Весной 1917 г. он наотрез отказал военному министру А.И. Гучкову, вознамерившемуся назначить Л.Г. Корнилова главнокомандующим армиями Северного фронта. Л.Г. Корнилов, со своей стороны, считал Алексеева одним из виновников неудач русской армии в годы войны и вообще смотрел на него с «оттенком презрительности, с какой боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов». [7, с.32]

Тем не менее, движимые общим желанием «спасти армию и страну», они нашли общий язык накануне августовских событий. В дни работы Государственного совещания в Москве Корнилов, понимая, что опираться придется на созданный М.В. Алексеевым «Союз офицеров армии и флота», предложил тому возглавить выступление против правительства А.Ф. Керенского, а затем, возможно, и новую диктаторскую власть. Но М.В. Алексеев без видимой борьбы и сомнений уступил первенство Л.Г. Корнилову, взвесив все «за» и «против» и решив, что тому, «будучи верховным, это сделать легче». [3, с.29]

Однако после провала августовского выступления глухая взаимная антипатия переросла в нетерпимость, особенно со стороны Л.Г. Корнилова – человека весьма прямолинейного, самолюбивого и слабо разбиравшегося в людях и мотивах их поступков. Ни разумом, ни сердцем не мог он простить М.В. Алексею, что тот согласился стать начальником штаба у А.Ф. Керенского, да еще прибыл в Ставку, чтобы арестовать его, Л.Г.

Корнилова. Истинный мотив этого шага, очевидный многим, - спасти главковерха-мятежника и его соратников от солдатского самосуда – в поверхностном понимании Л.Г. Корнилова оправданием не являлся. Умудренный жизнью и практичный М.В. Алексеев, в свою очередь, из августовских событий сделал вывод, что Л.Г. Корнилов – «опасный сумасброд, человек неуравновешенный и непригодный на первые роли». Новочеркасская обстановка не могла не придать их отношениям характера «острого антагонизма». Властного и честолюбивого Л.Г. Корнилова задевало за живое уже то, что М.В. Алексеев приехал на Дон первым и за месяц худо-бедно, но заложил основы антибольшевистской армии. Ему резало слух само ее название – «Алексеевская организация». [7, с.31]

А главное – все денежные пожертвования на добровольцев, от местных и столичных капиталистов, шли в руки М.В. Алексеева, тогда как казна, которую собирал по его поручению В. Завойко, была пуста.

Более того, В. Завойко так умудрился «подготовить почву» к приезду Л.Г. Корнилова в Новочеркасск, что поставил его в крайне неловкое положение. Во-первых, претензиями на монополию сбора средств он вызвал «всеобщее недоумение», а у алексеевского окружения – открытую враждебность. А во-вторых, некоторыми своими шагами он дал основание заподозрить его в «нелепейшей интриге» - попытке свергнуть А.М. Каледина и выбрать Донским атаманом Л.Г. Корнилова.

Если это соответствовало действительности, расчет В. Завойко вполне очевиден: вместе с атаманским перначом Л.Г. Корнилов сразу получил бы казачьи части и донскую казну.

Пока же он получил одной неприятной заботой больше: бесцеремонная предприимчивость В. Завойко грозила ссорой с А.М. Калединым. Быстро привязывавшийся к людям, которым он доверял, Л.Г. Корнилов всегда тяжело переживал, когда приходило разочарование. Имея за плечами четырехлетний опыт службы военным агентом (атташе) в российском посольстве в Пекине, он расстался с В. Завойко в

соответствующих традициях: приказал тому в 24 часа покинуть Новочеркасск. [3, с.101,107]

Так же просто решить проблему отношений с М.В. Алексеевым (в данном случае – покинуть Новочеркасск самому) не позволяли характер и интересы дела. После первого разговора, с глазу на глаз, они «расстались темнее тучи». Опасения окружающих подтвердились: их совместная работа будет «очень нелегкой». [3, с.187]

М.В. Алексеев, поднявшись выше личных предубеждений и неприязни, готов был использовать авторитет и опыт Л.Г. Корнилова и предложил тому компромиссное распределение обязанностей: Лавру Георгиевичу – формирование и командование армией, себе – финансы, внутреннюю и внешнюю политику. Л.Г. Корнилов не согласился и его аргументы, с узко военной точки зрения, нельзя не признать вескими: во главе всего дела должен стоять один человек, а такая «параллельная деятельность» будет постоянно вызывать недоразумения и трения, прежде всего в финансовых вопросах, ибо «каждую копейку на организацию и нужды армии придется ему испрашивать у генерала Алексеева», а «с развитием дела» ему как командующему не избежать того, чтобы «вплотную подойти к внутренней политике». [5, с.279]

Итак, яблоком раздора стала казна. Сохраняя ее в своем распоряжении, М.В. Алексеев сохранял контроль над формированием и снабжением армии. Понять его можно: уверенности, что «сумасброд» Л.Г. Корнилов сумеет рационально использовать с таким трудом собранные им, М.В. Алексеевым, скудные средства, не было. В итоге он предложил Л.Г. Корнилову ехать в Екатеринодар и там формировать добровольческие части «совершенно самостоятельно». Л.Г. Корнилов и от этого категорически отказался, заявив, что «это не выход», а «еще хуже»: «...Находясь на таком близком расстоянии один от другого, мы, Михаил Васильевич, уподобились бы с вами двум содержателям балаганов, зазывающих к себе публику на одной и той же ярмарке». [5, с.280]

Невозможность найти общий язык с М.В. Алексеевым, полное безденежье, неустроенность и ненадежность Дона как базы – все это привело Л.Г. Корнилова, склонного к поступкам столь же бескомпромиссным, сколь и непросчитанным, к решению ехать (прихватив А.И. Деникина и А.С. Лукомского) на Волгу, а оттуда в родную Сибирь, где, он надеялся, ему «удастся создать большое дело». [5, с. 279-280]

Отъезд Л.Г. Корнилова уже считался решенным, но в ситуацию вмешались представители «Правого центра». Встречаясь попеременно то с ним, то с В.М. Алексеевым, москвичи горячо убеждали генералов, что только их совместная работа даст шанс на финансовую помощь со стороны как отечественных капиталистов, так и держав Антанты. Аргумент был веский и далекий от лукавства. Действительно, уже первые попытки сбора средств среди предпринимателей и контакты на этот же предмет с дипломатическими и военными представителями союзников показали: рассчитывать на щедрое финансирование новой армии можно лишь в случае их уверенности в ее успехе, питаемой прежде всего верой в ее вождей.

Лукавство состояло не в самом аргументе, а в его подоплеке: единство М.В. Алексева и Л.Г. Корнилова являлось для «Правого центра» залогом собственного лидирующего положения в антибольшевистском лагере, которое обеспечивалось, во-первых, ролью финансового посредника, что сулило приток средств в собственную казну, и во-вторых, ролью правительственного органа при формируемой армии, что открывало прямую дорогу к власти после свержения большевиков.

По их расчетам, имя Л.Г. Корнилова, нажившего в союзных державах репутацию «реакционера», но популярного среди русских офицеров, гарантировало приток добровольцев в армию, а имя М.В. Алексева – высокий авторитет у союзников, поскольку в столицах Антанты он считался, по выражению У. Черчилля, «крупным стратегом, не

уступающим Фошу и Людендорфу и прекрасно знакомым с государственными делами страны».[3, с.188]

Между 16 и 25 декабря в Новочеркасске состоялись два совещания делегатов «Правого центра», возглавляемых М.М. Федоровым, с группой генералов. А.И. Деникин, А.С. Лукомский и С.Л. Марков не менее общественных деятелей были заинтересованы в сохранении связки Алексеев – Корнилов во главе армии. По замечанию А.И. Деникина, «ее хрупкий организм не выдержал бы удаления кого-нибудь из них»: в случае отхода от дел М.В. Алексеева армия «раскололась бы», в случае отъезда в Сибирь Л.Г. Корнилова – «она бы развалилась». [3, с.188]

Первое совещание вылилось в «тяжелую сцену». Л.Г. Корнилов требовал полной власти, грозя в противном случае уехать в Сибирь. М.В. Алексеев цепко держался за финансы и политическое руководство. Проникновенные речи москвичей – о «самопожертвовании» и «государственной необходимости соглашения» - перебивались их «краткими, нервными репликами». Никто из вождей уступать не хотел и соглашение не состоялось. [3, с.188]

Настояв на втором совещании, делегация Федорова, не рассчитывая более лишь на аргументы нравственного порядка, едва ни ультимативно предъявила финансовый: союзники окажут помощь только в случае соглашения А.М. Каледина, М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова о совместной работе на юге России. Причем оно должно быть документально оформлено, подписано всеми тремя и передано представителям Великобритании и Франции. Л.Г. Корнилову ничего не оставалось, как унять гордыню и согласиться принять лишь военную власть. Однако начавшаяся тут же прием-передача формируемых частей обернулась еще одной «тяжелой сценой»: когда из доклада М.В. Алексеева выяснилось, что наличные деньги, собранные у предпринимателей, не покрывают не только будущих, но и текущих расходов, Л.Г. Корнилов в очередной раз дал волю

эмоциям и отказался от командования. В конце концов, после настойчивых уговоров общественных деятелей и генералов, он уступил. [5, с. 280-281]

На Рождество было объявлено о вступлении Л.Г. Корнилова в командование армией, названной по его настоянию «Добровольческой». Его ущемленное компромиссом честолюбие хотя бы отчасти было удовлетворено тем, что мало понятное «гражданское» название – «Алексеевская организация» - ушло в прошлое, а с ним - и имя ее основателя.

Окончательному разделу сфер компетенции между Л.Г. Корниловым, М.В. Алексеевым и А.М. Калединым должна была послужить организация «верховой власти», претендующей на статус всероссийской. Ее конструирование грозило новыми «тяжелыми сценами», поэтому А.И. Деникин взял на себя инициативу и быстро набросал проект, используя древнюю форму правления, диктовавшуюся условиями дня нынешнего, - «триумvirат». За М.В. Алексеевым закреплялись финансы, гражданское управление и внешние связи, за Л.Г. Корниловым – военная власть, за А.М. Калединым – управление Донской областью. «Вопросы государственного значения» подлежали решению «триумvirата» в целом. [3, с. 189]

Совещание генералов, на котором кроме будущих «триумvirов» присутствовали А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский, одобрило деникинский проект. Затем текст был отредактирован А.С. Лукомским, подписан «триумvirами» и отправлен «Правому центру» с одним из его эмиссаров, возвращавшихся в Москву, для передачи союзным миссиям. Сам А.И. Деникин изобретенную им конструкцию назвал «исключительно психологическим средством, вполне достигшим цели». [3, с.189] С первой частью этого утверждения можно согласиться в том смысле, что удалось найти баланс честолюбий, амбиций и интересов трех вождей, впрячь их в одну упряжку, удержать Корнилова на Дону. Однако вторая часть вызывает сомнения, поскольку сферы компетенции часто совпадали: М.В. Алексеева и А.М. Каледина – в части финансов армии и

Донской области, Л.Г. Корнилова и М.В. Алексеева – в части снабжения армии и т.д. [3, с.189] Таким образом, на бумаге “триумвират” объединил трех вождей, на деле же – расширил почву и конкретизировал поводы для трений и конфликтов между ними.

К концу декабря Л.Г. Корнилов обосновался в небольшом доме на Комитетской улице, где разместил и свой штаб. Хотя у крыльца стоял офицер-часовой, сам командующий Добровольческой армией, по просьбе Донского атамана, дабы не раздражать казаков, исполненных ненависти к «старому режиму», формы не носил.

В мешковато сидевшем потертом костюме, черном в полоску, галстук и солдатских сапогах он ходил на мелкого приказчика. [1, с.34-35]

Во главе своего штаба, быстро сформированного, он поставил генерала Лукомского, в течение лета 1917 г. служившего при нем начальником штаба главковерха.

Первые же дни командования подтвердили опасения Л.Г. Корнилова по части финансирования Добровольческой армии.

М.В. Алексеев всю жизнь, даже будучи начальником штаба главковерха, когда в его распоряжении были огромные материальные и финансовые ресурсы всей страны, отличался крайней бережливостью и старался избежать неоправданных трат казенных денег. [1, с.18-19] В Новочеркасске же, считая финансовое положение формируемой армии совершенно необеспеченным, он стал чрезвычайно скуп и методично урезал Л.Г. Корнилова во всех расходах. В итоге, когда вернувшиеся с фронта донские казаки, дабы поправить свое хозяйство, распродавали, сравнительно недорого, патроны, винтовки, пулеметы и даже орудия со снарядами, снабженцы из-за нехватки денег упускали выгодные случаи. Время шло, денег не прибавлялось и командующего это просто выводило из себя. То и дело он требовал у М.В. Алексеева купные суммы в свое

безотчетное распоряжение и тогда между ними происходили резкие объяснения. [3, с. 282-283]

При всяком подобном обострении общественные деятели бегали от одного к другому, пытаясь предотвратить разрыв. Брались даже за выработку нового письменного соглашения - более четко разграничить их сферы компетенции. Сглаживать разногласия между ними стоило каждодневных усилий и генералам: А.И. Деникину, назначенному помощником командующего, и начальнику штаба А.С. Лукомскому. [3, с. 32-33]

Хотя Л.Г. Корнилов был «иногда очень резок и часто несправедлив» с М.В. Алексеевым, последний «терпеливо переносил незаслуженные обиды». Лишь изредка, в разговорах с самыми близкими, он сетовал постариковски: «Как тяжело работать при таких условиях...» Скрепя сердце, он в интересах дела уступил первое место своему бывшему ученику в Николаевской академии Генштаба и теперь «тщательно избегал всего, что могло показаться Корнилову вмешательством в управление армией». [7, с. 251-252]

Л.Г. Корнилов же, ощущавший компромисс с М.В. Алексеевым как путы на руках и ногах, с трудом сохранял внешнее спокойствие, приличествующее вождю. Своему окружению он твердил, что не верит в успех дела, возглавляемого двумя лицами, и остался на юге лишь «по настоянию и принуждению» московских представителей. Его тяготили финансовая зависимость от М.В. Алексеева и материальная от А.М. Каледина, угнетали «отсутствие полной мощи» и «ограниченность перспектив». [3, с. 281]

Снедаемый боевым нетерпением и жадой избавиться от тыловых пут, он спешил сформировать части и уйти с ними на фронт. Порой им овладевало намерение переехать со штабом в Ростов. Наконец, поскольку Дон перестал казаться надежной базой формирования, его никак не покидала мысль уехать в Сибирь. «Сибирь я знаю,- говорил он Лукомскому,- в Сибирь я верю... Долго здесь оставаться я буду не в силах.

Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время».

[1, с. 281-282]

Вообще Л.Г. Корнилов и М.В. Алексеев тяжело переносили непривычку к безвластию (большевики гораздо легче и быстрее преодолели непривычку к власти). Впрочем, умудренный жизнью М.В. Алексеев, похоже, психологически гораздо легче Л.Г. Корнилова приспособился к унижительному положению генерала без армии и без тыла, к невообразимой прежде ситуации, когда все нужно начинать с нуля и при этом нельзя привычно требовать и приказывать, а можно только просить и убеждать, да и то с оглядкой, поскольку в отношении к армии казаков и казачьих демократических политиков преобладали, в лучшем случае, равнодушие и скепсис, в худшем – враждебность.

Конфликты между М.В. Алексеевым и Л.Г. Корниловым раскололи их окружение. В штабе командующего царили культ Л.Г. Корнилова, которого именовали не иначе как «верховным», и пренебрежительное отношение к М.В. Алексееву. Сотрудники последнего платили «корниловцам» тем же. Эти раздоры, которые даже не пытались скрывать, бросались в глаза рядовым офицерам и вызывали тревожные пересуды в частях. Довольно скоро разделение на «алексеевцев» и «корниловцев» проникло в офицерскую среду. [1, с.16-17]

2.2. Конфликт между Деникиным и Врангелем

К началу 1920 г. относится конфликт между А.И. Деникиным и П.Н. Врангелем. Различными авторами он освещается по-разному, поэтому стоит на нем остановиться подробнее. Конфликт этот не носил политического характера. П.Н. Врангель впоследствии проводил практически ту же политику, что А.И. Деникин. Не имеют под собой почвы и объяснения конфликта «карьеризмом» П.Н. Врангеля, во что бы то ни стало рвущегося к власти. Какая может быть карьера в период катастрофы? Это было бы то же самое, что обвинить в карьеризме А.И. Деникина,

принявшего после смерти Л.Г. Корнилова командование над «горсткой бойцов». Готовность к бескорыстному служению своим идеалам П.Н. Врангель доказал и всей последующей жизнью, целиком отданной спасению и поддержке эмигрировавших солдат и офицеров.

Это был типичный конфликт между «молодым» и «старым» офицерством, неизбежный в любой проигранной войне. Кстати, точно так же вел себя А.И. Деникин после русско-японской войны, когда, рискуя карьерой, критиковал высшее начальство и его ошибки. И точно такой же конфликт через год сам П.Н. Врангель получил от Я.А. Слащева. Оба – горячие патриоты России, но людьми они были совершенно разными, Деникин – спокойный, уравновешенный, упрямый. Врангель отнюдь не по-немецки горячий, нервный, порывистый. Не чуждый внешней позы и эффекта, чего А.И. Деникин всегда избегал.

«Первое впечатление, определявшее внешнюю разницу двух этих людей, формулируется у меня в военном противопоставлении: пехота – кавалерия. У ген. Деникина не было ни внешнего блеска, ни светских манер, но в то же время была в нем какая-то глубокая почвенная сила. Врангель был красив, статен, а главное – отмечал его действительный, не напускной лоск обращения. Внешне он был человеком, который мог очаровать, но я не заметил в нем черт, обозначающих гипнотизирующее излучение власти». [2, с.144]

Разладу немало способствовало то, что П.Н. Врангель, блестяще проявивший себя в боях 18-го - первой половины 19-го годов, одерживавший победу за победой, внезапно попал в полосу неудач, причем совершенно от него не зависевших Царицынское направление, на котором он воевал, после отхода А.В. Колчака из главного превратилось во второстепенное. Его армия таяла от переброски войск на другие участки и дезертирства, разлагаемая из тыла. Разгромил кубанскую оппозицию - но положения это уже не улучшило, только нажил себе врагов. Принял Добровольческую армию - но в тот момент, когда она была разгромлена и

отступала, сдавая города. Взъялся сформировать на Кубани новую армию – но столкнулся с откровенным саботажем местных властей, припомнивших ему недавнее унижение. Был назначен председателем деникинского правительства – но фактически даже не вступил в должность, последовало соглашение с Верховным Казачьим Кругом о реорганизации южной власти. Занимался укреплением Новороссийского района – но не имел к этому ни сил, ни средств, пребывая в бездействии. От веры в казачество шатнулся к полному разочарованию в нем, выдвинул план переноса центра борьбы под Одессу для организации единого фронта с поляками. Был назначен помощником ген. Шиллинга по военной части, но не успел даже туда выехать – Одесса пал.

Параллельно развивался и конфликт. Оказавшись в Царицыне, «на отшибе», П.Н. Врангель один за другим слал в Ставку проекты выигрышных операций, указывал на ошибки, которые, как ему казалось, допускал штаб главнокомандующего. Эти проекты, как правило, отвергались, что вызывало раздражение автора. Забегая вперед и анализируя его планы, сведенные потом воедино и П.Н. Врангелем в своих письмах-памфлетах, и А.И. Деникиным, разбиравшим их, можно отметить, что значительная часть из них была невыполнима либо из-за недостаточной информированности П.Н. Врангеля об обстановке на других участках, либо основываясь на ошибочных предпосылках (как, например, план создания единого фронта с Польшей). Часть, действительно, сулила определенный успех, но при белогвардейской малочисленности – только за счет успехов (реальных или мнимых), намечавшихся на каких-то иных направлениях. Вопрос о том, как было бы лучше действовать, «так» или «эдак», можно было бы оставить открытым, однако следует подчеркнуть важный аспект. Многочисленные планы П.Н. Врангеля, выдвигавшиеся им в 19-м и начале 20-го, носили чисто военный характер. И даже если бы привели к частным успехам (ценой других успехов), общего хода событий все равно изменить не могли. Поэтому

данные споры Врангеля со «штабами» относятся к чисто теоретической области и подробно разбирать их не имеет смысла. Впрочем, и сам П.Н. Врангель, оказавшись в роли главнокомандующего, должен был отказаться от многих взглядов (скажем, о возможности в условиях гражданской войны концентрации сил на одном, главном направлении и переходе к жесткой обороне на других участках).

Когда после отставки Май – Маевского барон вступил в командование отступающей Добровольческой армией, он воочию увидел то, что на расстоянии представлялось в розовом цвете реальное состояние ее легендарных «полков» и «дивизий», остававшихся таковыми лишь по названиям. Действительность, издавека представлявшаяся иной, еще больше убеждала в мыслях о наделанных ранее ошибках и допущенном «развале». Если в Царицыне командующий был в значительной мере предоставлен самому себе, то в новой должности П.Н. Врангель оказался в постоянных контактах с А.И. Деникиным и его штабом. Стала проявляться и психологическая несовместимость между двумя военачальниками. А.И. Деникин считал, что П.Н. Врангель вносит в работу излишнюю нервозность и разлад. А горячий П.Н. Врангель порывался что-то перекроить по-своему, чтобы исправить ошибки, действительные или кажущиеся. Хотя в создавшейся ситуации какие-то кардинальные изменения были уже неосуществимы, он считал, что его никто не слушает, что главное командование упорствует в заблуждениях. Трения росли и накапливались. Именно поэтому А.И. Деникин так легко согласился на уход П.Н. Врангеля с должности командарма и отъезд на Кубань.

Но на Кубани Петр Николаевич, все еще взвинченный фронтовыми катастрофами, впервые заговорил о необходимости смены главного командования. Начал зондировать почву, как к этому отнесутся Дон, Кубань и Терек в переговорах с ген. Сидориным, терским атаманом Вдовенко, рядом кубанских лидеров, а также находившимися там генералами Шкуро и Эрдели. Он указывал на естественное в условиях

поражений недовольство армии и недоверие общественности, однако ответ везде получил резко отрицательный. Даже те деятели, которые сами по тем или иным причинам были недовольны А.И. Деникиным, считали, что "генеральская революция" в критический момент лишь приведет к окончательному крушению фронта. Кубанцы, возможно, и хотели бы свалить А.И. Деникина, но и с П.Н. Врангелем не желали иметь ничего общего, да он и сам в этом плане вовсе не искал поддержки левых и самостийников. Одновременно, то ли с ведома П.Н. Врангеля, то ли по собственной инициативе, один из его сторонников, некто Тверской, повел работу среди общественных и финансовых деятелей, находившихся на Северном Кавказе, осведомляясь, как они отнеслись бы к идее «переворота». Здесь тоже он поддержки ни у кого не нашел.

Обо всех закулисных переговорах было немедленно доложено главнокомандующему – Сидориным, Шкуро, Вдовенко др. Надо отметить, что эту попытку «подкопа» под себя Деникин оставил без явных последствий – хотя, понятное дело, улучшить его отношение к П.Н. Врангелю подобные действия не могли. Стоит отметить и то, что, выслушав отовсюду отрицательные мнения и убедившись в ошибочности своего представления о всеобщем недовольстве командованием, сам П.Н. Врангель больше никаких усилий в данном направлении не предпринимал. Но слухи распространялись во все стороны, проникали даже за границу. Так, прибывший с официальной миссией Мак-Киндер сообщил, что в Варшаве он слышал о якобы произведенном Врангелем перевороте. По этому поводу барон писал А.И. Деникину:

"Я ответил, что мне известно о распространении подобных слухов и в пределах Вооруженных сил Юга, что цель, по-видимому, желание подорвать доверие к начальникам в армии и внести разложение в ее ряды, и что поэтому в распространении их надо подозревать неприятельскую разведку. Вместе с тем я сказал, что, пойдя за Вами в начале борьбы за освобождение Родины, я, как честный человек и как солдат, не могу

допустить мысли о каком бы то ни было выступлении против начальника, в подчинении которого я добровольно стал".

Масла в огонь подливали всевозможные «доброжелатели» и «недоброжелатели». П.Н. Врангель был популярен среди молодежи, слышавшей легенды о его конных атаках. Был популярен среди крайне правых. Почему - неизвестно. Видимо, предполагалось, что раз он – барон, то заведомо будет проводить правую политику в отличие от «либерала» А.И. Деникина (впоследствии подобных надежд он совершенно не оправдал). Если для фронтовиков подобные вопросы отходили на второй план, то правых хватало среди тыловиков, среди офицеров-дезертиров, наводнявших тыловые города и щеголявших погонями, уклоняясь от службы. Получив начальство над Новороссийским районом, П.Н. Врангель как раз оказался в центре беженского хаоса, куда стекались остатки партий, политических и общественных организаций, органов печати и пр., живущие в болезненной атмосфере слухов, интриг и паники. Генерал тяготился "вынужденным бездействием", поскольку его обязанности свелись к руководству эвакуацией. Его высказывания по данному поводу всячески варьировались прессой и сплетнями. Одни возмущались «о палой» боевого командира, которого из-за личного недоброжелательства держат в тылу, не давая ему спасти фронт. Другие, недовольные П.И. Врангелем, наоборот, подрывали его авторитет в Новороссийске, распространяя слухи, что он из-за личных обид в критический момент бросил армию. Самозванные организации из тыловиков и дезертиров, используя фигуру П.И. Врангеля в качестве знамени, пытались выступать в качестве "офицерской оппозиции" (в основном по ресторанам). Тем более что это давало "моральное право" уклоняться от фронта - по "принципиальным соображениям". Другие «доброжелатели», естественно, информировали Деникина о Врангеле, а Врангеля о Деникине, мешая правду с вымыслами.

Конфликт еще углубился, когда А.И. Деникин пошел на уступки Верховному Казачьему Кругу. Врангель к этому времени совершенно разочаровался в возможности поднять казачество, столкнувшись с кубанским развалом. Он выступал против "компромиссов с самостийниками", предлагая перенести борьбу на «русскую» территорию, под Одессу. И опять его позицию, домысливая и искажая по-своему, подхватывали политические круги, а также дезертирствующая накупь, теперь взявшаяся громогласно заявлять, что не желает "проливать кровь за самостийников". В общем, к моменту разрыва А.И. Деникин и П.Н. Врангель практически перестали понимать друг друга. Главнокомандующий объяснял все действия барона лишь нездоровым честолюбием. А Врангель действия Деникина - "цеплянием за власть". Как показала жизнь, ошибались и тот и другой... Когда 10.02 очередное назначение П.Н. Врангеля в связи с падением Одессы было отменено, он подал в отставку. А до решения вопроса об увольнении взял отпуск и выехал в Крым.

2.3. Разность взглядов Колчака и Гайды

Отношения А.В. Колчака и Р. Гайды складывались непросто. Между ними часто вспыхивали публичные споры о военной тактике, об избыточности применяемых репрессий, причем в выражениях ни руководитель, ни подчиненный себя не стесняли. Весной 1919 года войсками Р. Гайды были взяты Оханск, Оса, Сарапул, Ижевск и Глазов. И только единожды удача изменила новоиспеченному генералу, когда в бою под Уфой его войска были вынуждены отступить к Уралу. Но это одно поражение перечеркнуло в глазах А.В. Колчака все его прежние победы! Адмирал публично, на заседании штаба, обвинил Р. Гайду в отсутствии военного образования и... в неумении командовать армией. В ответ Р. Гайда откровенно нахамил верховному, заметив в ответ, что «...и ваше образование касается исключительно морской службы, а не сухопутной, вы

тоже не имее теоретических понятий о командовании армиями и тем более об управлении целой империей...». А.В. Колчак такого позора не простил – лишил генеральского чина и наград и уволил из своей армии.

И Р. Гайда задумал ответный удар...

В августе разжалованный генерал прибыл во Владивосток и более двух месяцев практически в открытую вел агитацию против правительства Колчака. Без всякой конспирации, в генеральской шинели без погон, он бродил по казармам и призывал всех к оружию под лозунгом «Довольно гражданской войны. Хотим мира!» Целью готовящегося путча Р. Гайда в конечном итоге считал создание нового правительства как минимум – Приморья, как максимум – Сибири и при его помощи скорейшую отправку чехов домой. Очевидно, А.В. Колчаку не раз докладывали о самодеятельном чехе-агитаторе, но, видимо, верховному либо было уже не до личных разборок (его части терпели под натиском красных одно поражение за другим и катились на восток), либо он воспринимал Радолу не более как горохового шута.

А тем временем в поезде Р. Гайды собирались бойцы – солдаты и офицеры, военнопленные, китайцы, грузчики; всего Р. Гайде удалось собрать под свои знамена полторы тысячи человек. В перевороте Р. Гайды готовились принять участие все антиколчаковские силы Владивостока, в том числе большевики, находившиеся в подполье уже около полутора лет. Чешский генерал Чечек дал восставшим обмундирование, оружие и патроны, кооператоры города помогли деньгами.

17 ноября начали разбрасываться с автомобилями листовки с призывом к свержению власти Колчака. Большевики призвали к стачке. Около двух часов того же дня гайдовцы начали наступление из поезда с целью захвата учреждений и правительственных зданий центра Владивостока. По городу стремительно разнеслись слухи о возникновении нового правительства, но никто из обывателей к мятежникам не примкнул. Повстанцы вскоре захватили здание вокзала, где у них появились штаб и убежище от

обстрела белыми. Ночью Р. Гайда сумел захватить пароход «Печенга», с которого попытался начать захват города десантом. Но японские крейсера в упор расстреляли пароходик и разоружили команду. Патрули интервентов окружили плотным заслоном всю Первую Речку, откуда к восставшим должны были перебраться отряды вооруженных портовиков и железнодорожников. Они же не допустили разоружения охраны концлагеря, где находились сотни арестованных большевиков и красногвардейцев, и задерживали на улицах Владивостока всех спешивших к вокзалу. На сам вокзал прибыл бронепоезд атамана Калмыкова и с ходу вступил в бой с мятежниками. Бои продолжались всю ночь.

Для скорого подавления мятежа были вызваны юнкера с острова Русский, и к 10 часам утра 18 ноября они при поддержке бронепоезда атамана Калмыкова захватили весь вокзал и железнодорожные пути, оттеснив восставших к причалам Доброфлота. Это было поражение. Р. Гайда поднял белый флаг и сдался на милость Розанова. Будучи раненым, был привезен в штаб, плакал и молил о пощаде. Вымолил. За мятежного генерала вступились чешские войска, и Розанов выпустил его на свободу, взяв с него письменное клятвенное обещание, что с первым же пароходом тот навсегда оставит Россию.

28 ноября 1919 года Радола Гайда покинул Владивосток на палубе парохода «Пенза». Судьба втянутых им в мятеж эсеров и большевиков, которые, поверив ему, взяли в руки винтовки, сложилась куда трагичнее. Всех, кто был взят в плен с оружием в руках, калмыковцы замучили в бронепоезде.

Конечно, разжалованный генерал, лично раздавая красным винтовки (тем, кого он яростно громил еще три месяца назад), меньше всего думал о спасении жителей края от белого террора. Конечно, им двигало исключительно тщеславие и чувство личной мести Верховному. Но, справедливости ради, можно предположить, что в случае удачного исхода

гайдовского мятежа гражданская война в Приморье могла бы и не носить столь ожесточенного и затяжного характера. Но история, увы, не знает сослагательного наклонения.

2.4. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Таблица 1. Причины и последствия противоречий

Ключевые участники событий	Политические и социально-экономические противоречия	Причины противоречий	Последствия противоречий
Корнилов и Алексеев	Алексеев не слишком высоко ставил Корнилова, зная его слабые места как во еначальника, приводившие к поражениям подчиненных ему войск. Весной 1917 г. он на отрез отказал военному министру А.И. Гучкову, во знамерившемся на значить Корнилова главнокомандующим	1. Личная неприязнь друг к другу; 2. Провал августовского выступления, глухая взаимная антипатия переросла в нетерпимость, особенно со стороны Корнилова; 3. Урез Алексеевым финансов Корниловсой армии.	1 Конфликт между Алексеевым и Корниловым раскололи их окружение. В штабе командующего царили культ Корнилова, которого именовали не иначе как «верховным», и пренебрежительное отношение к Алексееву. Сотрудники

<p>армиями Северного фронта. Корнилов, со своей стороны, считал Алексеева одним из виновников неудач русской армии в годы войны и вообще смотрел на него с «оттенком презрительности, с какой боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов».</p> <p>Алексеев всю жизнь, даже будучи на чальником штаба главковерха, когда в его распоряжении были огромные материальные и финансовые ресурсы всей страны, отличался крайней бережливостью и старался избежать не оправданных трат казенных денег. В</p>		<p>последнего платили «корниловцам» тем же. Эти раздоры, которые даже не пытались скрывать, бросались в глаза рядовым офицерам и вызывали тревожные пересуды в частях. Довольно скоро разделение на «алексеевцев» и «корниловцев» проникло в офицерскую среду.</p> <p>2 Урез средств Корниловской армии, Алексеевым, привёл к военным неудачам.</p>
--	--	---

	<p>Новочеркасске же, считая финансовое положение формируемой армии совершенно необеспеченным, он стал чрезвычайно скуп и методично урезал Корнилова во всех расходах. В итоге, когда вернувшиеся с фронта донские казаки, дабы поправить свое хозяйство, распродавали, сравнительно недорого, патроны, винтовки, пулеметы и даже орудия со снарядами, снабженцы из-за нехватки денег упускали выгодные случаи. Время шло, денег не прибавлялось и командующего это</p>		
--	--	--	--

	<p>просто выводило из себя. То и дело он требовал у Алексеева купные суммы в свое безотчетное распоряжение и тогда между ними происходили резкие объяснения.</p>		
Деникин и Врангель	<p>Конфликт этот не носил политического характера Врангель впоследствии проводил практически ту же политику, что Деникин. Не имеют под собой почвы и объяснения конфликта «карьеризмом» Врангеля, во что бы то ни стало рвущегося к власти. Какая может быть карьера в период</p>	<p>1. Врангель один за другим слал в Ставку проекты выигрышных операций, указывал на ошибки, которые, как ему казалось, допускал штаб главнокомандующего. Эти проекты, как правило, отвергались, что вызывало раздражение автора.</p> <p>2. Врангель заговорил о необходимости смены главного командования</p>	<p>1. Белые генералы, отвлечённые личными усобицами, не смогли дать отпор красной армии. Военные неудачи.</p> <p>2. Конфликт вызвал разлом между казаками.</p>

	<p>катастрофы? Это было бы то же самое, что обвинить в карьеризме Деникина, принявшего после смерти Корнилова командование армией. Готовность к бескорыстному служению своим идеалам Врангель доказал и всей последующей жизнью, целиком отданной спасению и поддержке эмигрировавших солдат и офицеров. Это был типичный конфликт между «молодым» и «старым» офицерством, неизбежный в любой проигранной войне. Кстати, точно так же вел себя Деникин после русско-</p>		
--	--	--	--

	<p>японской войны, когда, рискуя карьерой, критиковал высшее начальство и его ошибки. И точно такой же конфликт через год сам Врангель получил от Слащева. Оба – горячие патриоты России, но людьми они были совершенно разными, Деникин – спокойный, уравновешенный, упрямый. Врангель отнюдь не по- немецки горячий, нервный, порывистый. Не чуждый внешней позы и эффекта, чего Деникин всегда избегал.</p>		
Колчак и Гайда	Отношения Колчака и Гайды	1. Адмирал публично, на	В августе разжалованный

	<p>складывались непросто. Между ними часто вспыхивали публичные споры о военной тактике, об избыточности применяемых репрессий, причем в выражениях ни руководитель, ни подчиненный себя не стесняли. Весной 1919 года войсками Гайды были взяты Оханск, Оса, Сарапул, Ижевск и Глазов. И только единожды удача изменила новоиспеченному генералу, когда в бою под Уфой его войска были вынуждены отступить к Уралу. Но это одно поражение перечеркнуло в</p>	<p>заседании штаба, обвинил Гайду в отсутствии военного образования и в неумении командовать армией. 2. Личная неприязнь.</p>	<p>генерал прибыл во Владивосток и более двух месяцев практически в открытую вел агитацию против правительства Колчака. Без всякой конспирации, в генеральской шинели без погон, он бродил по казармам и призывал всех к оружию под лозунгом «Довольно гражданской войны. Хотим мира!» Целью готовящегося путча Гайда в конечном итоге считал создание нового правительства как минимум –</p>
--	---	---	---

	<p>глазах Колчака все его прежние победы! Колчак – лишил генеральского чина и наград и уволил из своей армии.</p>		<p>Приморья, как максимум – Сибири и при его помощи скорейшую отправку чехов домой. 17 ноября начали разбрасываться с автомобилей листовки с призывом к свержению власти Колчака. Большевики призвали к стачке. Около двух часов того же дня гайдовцы начали наступление из поезда с целью захвата учреждений и правительственных зданий центра Владивостока.</p>
--	---	--	---

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вывод: внутренние междоусобицы и конфликты внутри Белого движения - есть одна из причин поражения Белой армии в Гражданской войне 1917-1922 гг. Мы изучили исторические документы и мемуары белых генералов, которые подтверждают нашу гипотезу и сопоставили их конфликты с ходом военных действий. Составили сравнительный анализ в виде таблицы. Данная работа поможет ученикам 10-11 классов для подготовки к теме «Гражданская война в России», а также к написанию исторического сочинения.

В результате проведённого исследования мы глубже изучили историю Гражданской войны 1917-1922 гг.

В программу дальнейших действий включаем следующее:

1. Продолжить изучение данной темы на основе литературы, новых публикаций.
2. Использовать материалы данного исследования на уроках истории, посвященных истории Гражданской войны в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богаевский А.П. Воспоминания: 1918 год. Нью-Йорк, 1963. С.175;
2. Гуль Р. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин, 1921. С.640;
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т.2.;
4. Каминский В. «Почему белые проиграли гражданскую войну?»// Военно-Исторический архив. 2011. №10. С.133;
5. Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922.Т.1.С.340;
6. Монреаль, 1981.С.31-32.
7. Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд, 1917 – 1919. С. 258;
8. Цветков В. Ж. Генерал Алексеев. глава 5, С 462.
9. Черчилль В.Мировой кризис.М.;Л.,1932.С. 328.

Интернет источники:

1. О причинах поражения белой армии, Самсонов Александр [Электронный ресурс] <https://topwar.ru/7878-o-prichinah-porazheniya-beloy-armii.html>